

Чалабаева Людмила Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Российского государственного
социального университета, филиала в г. Анапе
тел.: (918) 447-50-77

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ МОДАЛЬНОСТИ: К АНАЛИЗУ АКТА ПРИНЯТИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ

Аннотация:

Статья посвящена обобщению основных теоретических предпосылок исследования проблемы модальности для обоснования актуальных направлений, представляющих интерес в изучении модального аспекта в акте принятия и исполнения решения. В статье показывается, что междисциплинарный характер проблемы предполагает ее интегративное решение. Предлагаются основные единицы описания модальных отношений с проекцией на акт принятия и исполнения решения.

Ключевые слова:

междисциплинарность, типы модальности, модальные предикаты, модальные маркеры, оппозиции, интегративность, акт решения, этапы решения.

Chalabayeva Lyudmila Vladimirovna

PhD in Philology,
Associate Professor of the Theory and History of
State and Law Department,
Russian State Social University,
Branch in Anapa
tel.: (918) 447-50-77

THEORETICAL PRECONDITIONS OF THE MODALITY PROBLEM RESEARCH: TO THE ANALYSIS OF THE ACT OF MAKING AND EXECUTING A JUDGMENT

The summary:

The article is dedicated to summarizing the essential theoretical preconditions of modality problem research for substantiation of timely trends appealing to studies of the modal aspect of making and executing a judgment. The author points out that the cross-disciplinary nature of the problem supposes its integrative resolving, and submits the basic formulations for describing the modal relations in the context of making and executing a judgment act.

Keywords:

cross-disciplinary, modality types, modal predicates, modal markers, the oppositions, integrity, judgment, decision-making stages.

Проблема модальности как объекта междисциплинарного знания, актуальная в современной науке, с давних времен интересует ученых-гуманитариев, работающих в различных областях изысканий – логиков, лингвистов, психологов, семиотиков. Изучение проблемы модальности осложнено разносторонними подходами к ней, что приводит к различным толкованиям. В силу своей давней истории, она разрабатывалась в различных традициях, которые, на наш взгляд, не исключают, а дополняют друг друга. Так, во французской традиции категория модальности исследуется на базе логической области изысканий, а в отечественной – ее толкование обусловлено дистрибутивной направленностью, то есть описанием модальных средств языка.

Особого внимания для нашего исследования заслуживает подход к проблеме модальности, разрабатываемый во французской лингвистике, продолжающей традиции античного видения проблемы. Античное понимание модальности в той или иной степени заимствуется французской лингвистикой. Г. Паррэ называет аристотелевские модальности, например, «алетические» (аподиктические – необходимое / невозможное и проблематические – возможное / случайное), экстенционально мотивированными, указывающими на истинность положения вещей. Он сводит к «алетической» четверке (необходимо / возможно / невозможно / случайно) соответствующие совокупности «эпистемической» (очевидно / исключено / допустимо / спорно) и «деонтической» (обязательно / разрешено / запрещено / факультативно) модальности [1].

В классических грамматиках определение модальности строится на базе установления связей между ее логико-философским пониманием и лингвистической актуализацией, то есть выявления и описания логических и лингвистических структур того, каким образом те или иные логико-философские умозрительные варианты модальности реализуются в языке, становятся единицами речи. В духе современной лингвистической традиции актуально прагмалингвистическое видение проблемы. Г. Паррэ выделяет четыре типа модальности: дистрибутивная («лексикализованная»); пропозициональная; иллокутивная; аксиологическая (включает сочетания «знать», «желать», «мочь», «долженствовать») модальности. Данным типам соответствуют четыре типа дейктических субъектов и стратегий высказывания. Дистрибутивной модальности соответствует информативная стратегия «сообщение»; пропозициональной – стратегия

«истинного говорения», точнее «истина»; иллокутивной – стратегия «действие»; аксиологической – соответствующая стратегия «аксиология», стратегия, имеющая ценностную ориентацию [2, с. 91–96]. Таким образом, прагмалингвистический ракурс предоставляет актуальные единицы для анализа модального аспекта акта принятия и исполнения решения.

Остановимся на более подробном анализе соотношения логического и лингвистического подходов. Так, логическое толкование строится на основе логико-философских понятий «необходимое», «возможное», «случайное». Лингвистический же подход начинается с анализа употребления языка. Например, во французском языке речь идет об употреблении модальных глаголов *pouvoir* («мочь»), *vouloir* («желать»), *devoir* («долженствовать»), *savoir* («знать/уметь»). В частности, «*devoir*» толкуется в четырех ракурсах: внутреннее долженствование; долженствование вовне; выражение вероятности (модальное значение грамматического времени); утвердительная проспективность. Модальность предиката «*pouvoir*» толкуется в трех ракурсах (внутренняя возможность / способность; возможность, предоставляемая извне; нейтральная возможность), которым соответствуют лексикализованные структуры: *я могу*; *я способен*; *для меня это возможно*. Предикат «*savoir*» во французском языке в основе своей предполагает двоякую интерпретацию. Он означает не только «знать», но и «уметь». Согласно Б. Потье, знание в основном приводится в значении «уметь»; «долженствовать» и «мочь» сильнее связаны с «я» и «быть», а «мочь» и «знать / уметь» связаны с «ты» и «делать» [3]. В обыденной житейской логике имеется прозрачное подтверждение тому, что личные местоимения первого и второго лица по-разному комбинируются с глаголами – «Я хочу..., а ты должен...»: «Вряд ли кто-нибудь станет отрицать паразитическое существование данной пары в любом аргументативном пространстве. Разве что в зависимости от установок личности, чаша весов будет скользить в ту или иную сторону» [4, с. 199].

Другой, продуктивный для нашего исследования, ракурс позволяет пронаблюдать и зафиксировать семантическое изменение значений модальных предикатов. В междисциплинарном подходе И. Дарро признается доминантный статус модальностей «верить», «знать», регулирующих любой акт высказывания и создающих иерархию модальностей, способных к «скольжениям» (ср. тонкую грань между предикатами мнения – «верить», «полагать», «знать») в область деонтических контекстов [5].

Проблема модальности ставится с точки зрения ее решения в направлении так называемой «функциональной» логики. Согласно Ж.-К. Коке, модальные предикаты имеют различные уровни интерпретации. Элементарные модальности («желать», «знать», «мочь») производны от абстрактных («делать», «иметь», «быть») [6, с. 66–68]. Исходя из этого, Ж.-К. Коке полагает, что разработка формальной модели способствовала бы лучшему пониманию типологии субъекта в парадигматическом измерении, что представляется еще одним актуальным ракурсом для нашего исследования.

Семиотический подход А.-Ж. Греймаса строится на комбинаторном представлении четырех модальных предикатов («желать», «быть должным», «мочь», «знать») и двух так называемых модализированных высказываний («делать» и «быть»). Они создают таксономию восьми логик: «желать» / «быть должным» / «мочь» / «знать» X «делать»; «желать» / «быть должным» / «мочь» / «знать» X «быть». При этом «делать» связывается с субъективной (деонтической), а «быть» с объективной (алетической) логикой (цит. по: [7]) (ср. отсутствие в этом подходе предиката «иметь»).

В другом подходе речь идет о четырех модальностях, образованных из следующих оппозиций: «бытие» / «небытие» (быть / не быть) и «кажимость» / «некажимость» (казаться / не казаться). М. Ренгсторф абстрагируется от проблемы истинности и ориентируется на модализацию, выделяя пару психического и физического, выявляя модализации «компетенции» («знать» и «мочь») и «мотивации» («желать» и «долженствовать»). При этом:

«знать» = «компетенция» + «психическое»;

«мочь» = «компетенция» + «физическое» [8, с. 73].

Подход М. Ренгсторфа – следующий актуальный ракурс для изучения модальности принятия решения. Однако ограничения в данной теории, связанные с четким распределением модальностей по аспектам компетенции и мотивации, а также психического и физического, сужают возможности описания парадигматических связей модальности в целом, и в области принятия решения в частности. Например, знание в акте принятия решения может способствовать принятию решения, как с точки зрения компетенции, так и мотивации. При этом мотивация может быть определена компетенцией (мы легче настроены на принятие решения, когда уверены в своих знаниях), и наоборот, компетенция – мотивацией (наши намерения к принятию решения обуславливают приобретение новых знаний), в зависимости от ситуации.

Ситуативный подход к анализу модальности предлагается Т. Кристеа, в котором дается ориентация на изучение определенных дискурсивных конфигураций с фиксацией намерения говорящего. В качестве прагматических составляющих модальности представляются: направленность модализатора, в которой основное внимание уделяется *дихотомии иллокутивность / не иллокутивность* (кажимость / очевидность), определяемой *референциальностью* (с учетом модального и диктального предикатов), которая в свою очередь создает соответствующий *модальный эффект* [9, т. 27, с. 243, 245].

Таким образом, с одной стороны, прагматический подход к анализу модальности представляет некоторые понятия, составляющие инвариантную структуру, через которую можно толковать любые модальные отношения; с другой стороны, данный подход оказывается оторванным от семантического аспекта, в частности от проблемы модальных предикатов, о которых речь шла в перечисленных концепциях.

Ответ на поставленный вопрос можно искать собственно в каждом случае, исходя из проблемного поля. Например, при исследовании модальности принятия решения, процесс анализа не должен замыкаться на абстрактном изучении модальных предикатов и типологии субъектов. В этом случае важно описание всего спектра модальных отношений, составляющих конкретную предметную область. В нашем случае речь идет о специфике так называемого модального пространства для акта (процесса) принятия и исполнения решения.

Другое, упомянутое нами, направление в исследовании модальности, разработанное в отечественной лингвистике, – «дистрибутивная модальность» – ориентируется на анализ широкого разряда модальных единиц, представляющих для нас интерес в аспекте исследования и обобщения всего спектра вербализации модальных референций в акте (процессе) принятия и исполнения решения. В качестве актуальной, отметим концепцию Г.П. Немца, полагающего целесообразным «определить в грамматике место каждого разряда слов, способных выражать модальные отношения»; в разряд модальных слов включаются: вводные слова, выражающие эмоциональное отношение к действительности; слова со значением уточнения, ограничения; слова, указывающие на связь мыслей, порядок их изложения, способ оформления, близкие по функции к союзам; «все частицы, слова, словосочетания, предложения... являются модальными». К ним также относится отрицание (модальные слова, частицы, словосочетания, префиксы) [10, с. 110, 136, 156]. Согласно Н.Д. Арутюновой, «язык оценок удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, при инструкции о выборе или в целях изменения принципов выбора и модификации стандартов...» [11, с. 175]. Данный ракурс продуктивен при анализе модальных оттенков акта решения в аргументативном аспекте.

Наше исследование носит в основе своей теоретический характер, однако, во избежание умозрительности, на конкретном материале покажем специфику актуализации модального компонента посредством модальных маркеров на различных этапах акта решения – его принятия и исполнения. Приведем некоторые примеры:

– *модальность сомнения* на этапе принятия решения, создающая эффект парадокса особым сочетанием модальных маркеров и лексем с семой «-реш»:

а) «Я и прежде колебалась, а теперь уж **наверно решила**: “Положите сперва меня в гроб и закопайте в землю, тогда выдавайте дочь”, – вот что я Ивану Федоровичу сегодня отчеканила» (Достоевский. Идиот);

б) «Но когда минутами смыкались мои глаза, то мне все представлялся Иван Фомич, будто бы получавший миллионы денег. Он все не знал, куда их девать, ломал себе над ними голову, дрожал от страха, что их украдут, и наконец **будто бы решил** закопать их в землю» (Достоевский. Идиот);

– *модальность верификации* уже исполненного решения на основе *предположения*:

«**Возможно, конкретные решения** этого клипа были навеяны большой черно-белой фотографией, висевшей у Татарского над столом» (Пелевин. GENERATION «П»);

– *оппозиция модальности* «кажимость / очевидность», подчеркивающая синергетический потенциал акта решения как сложного комплекса:

«**И казалось, что еще немного – и решение будет найдено**, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим **было ясно**, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» (Чехов. Дама с собачкой).

В заключение обобщим результаты нашего исследования. Перечислим продуктивные направления к теории модальности и связанные с ними ключевые единицы, представляющие исследовательский интерес конкретно по проблеме модальности акта (процесса) принятия и исполнения решения:

- пересечение логико-философского и лингвистического направлений в исследовании модальности с целью обозначения основных ракурсов к изучению модальности – от абстрактных логико-философских модальностей до конкретных модальных предикатов;
- внешняя дифференциация модальных предикатов в прагмалингвистическом аспекте на основе конкретных измерений как результат перехода объекта исследования из области логической в область лингвистическую;
- исследование соотношения между модальными предикатами с учетом их внутренней дифференциации на основе выявления оппозитивных единиц в механизме их актуализации (компетенция и мотивация, физическое и психическое), а также комбинаторных возможностей абстрактных и конкретных модальных предикатов;
- выявление возможности интеграции модальных предикатов, так называемого процесса скольжения, к примеру, перехода значения из области эпистемической модальности в область деонтических контекстов;
- акцент на проблеме типологии субъекта, диктующего соответствующий ракурс анализа в аргументативном аспекте;
- уровневая стратификация модальных единиц, обобщение спектра вербализации модальных референций в предметной области принятия и исполнения решения.

Ссылки:

1. Parret H. La pragmatique des modalités // *Langages*. 1976. № 43. P. 47–63.
2. Parret H. L'énonciation en tant que déictisation et modalisation // *Langages*. 1983. № 70. P. 83–97.
3. Pottier B. Sur la formulation des modalités en linguistique // *Langages*. 1976. № 43. P. 39–46.
4. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
5. Darrault I. Présentation // *Langages*. 1976. № 43. P. 3–9.
6. Coquet J.-C. Les modalités du discours // *Langages*. 1976. № 43. P. 64–70.
7. Darrault I. Présentation // *Langages*. 1976. № 43. P. 3–9.
8. Rengstorf M. Pour une quatrième modalité narrative // *Langages*. 1976. № 43. P. 71–77.
9. Cristea T. Modalités illocutionnaires et ambiguïté // *Revue roumaine de linguistique*. T. XXVII. 1982. № 3. P. 243–248.
10. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. М.; Краснодар, 1999.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

References (transliterated):

1. Parret H. La pragmatique des modalités // *Langages*. 1976. No. 43. P. 47–63.
2. Parret H. L'énonciation en tant que déictisation et modalisation // *Langages*. 1983. No. 70. P. 83–97.
3. Pottier B. Sur la formulation des modalités en linguistique // *Langages*. 1976. No. 43. P. 39–46.
4. Fanyan N.Y. Argumentatsiya kak lingvopragmaticheskaya struktura: dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2000.
5. Darrault I. Présentation // *Langages*. 1976. No. 43. P. 3–9.
6. Coquet J.-C. Les modalités du discours // *Langages*. 1976. No. 43. P. 64–70.
7. Darrault I. Présentation // *Langages*. 1976. No. 43. P. 3–9.
8. Rengstorf M. Pour une quatrième modalité narrative // *Langages*. 1976. No. 43. P. 71–77.
9. Cristea T. Modalités illocutionnaires et ambiguïté // *Revue roumaine de linguistique*. Vol. XXVII. 1982. No. 3. P. 243–248.
10. Nemets G.P. Semantika metazykovykh substantstsiy. M.; Krasnodar, 1999.
11. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M., 1999.